

А.Н. Николюкин
КРЫЛОВСКОЕ СЛОВО В УСТАХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются цитаты из басен Крылова в сочинениях русских писателей.

Ключевые слова: басня; И.А. Крылов; А.С. Пушкин; П.А. Вяземский; В.Г. Белинский; Д.И. Писарев; Л.Н. Толстой; В.В. Маяковский.

Nikolyukin A.N. Krylov's fables in Russian writers' writings

Summary. The article deals with the quotations from Krylov in the works of Russian writers.

Keywords: fable; I.A. Krylov; A.S. Pushkin; P.A. Vyasemskiy; V.G. Belinskiy; D.I. Pisarev; L.N. Tolstoy; V.V. Majakovskiy.

Известные слова В.А. Жуковского: «Переводчик в *прозе* есть раб, переводчик в *стихах* – соперник» были произнесены при выходе первой книги басен И.А. Крылова в 1809 г., у которых нередко «и вымысел, и рассказ» заимствованы из Лафонтена.

Крыловские строки встречаются в письмах А.С. Пушкина. Осенью 1830 г. Пушкин пишет из Болдина П.А. Вяземскому: «Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть» (перефразировка из басни «Орел и Пчела»: «И моего хоть капля меду есть»).

К статье «Собрание насекомых» (1830) Пушкин поставил эпиграфом строки из крыловского «Любопытного»:

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.

Вяземский в 1838 г., когда в Петербурге официально праздновалось 50-летие баснописца – первый писательский юбилей, отмечавшийся в России, – написал стихи «На радость полувековую...», в которых использовал строку из басни «Зеркало и Обезьяна»:

Искусством легкого обмана
Где и кольнет из-под пера:
Так *Пётр кивает на Ивана,*
Иван кивает на Петра.

В письме Пушкина Вяземскому около 7 ноября 1825 г., которое в советские времена целиком не печаталось из-за «нелитературных слов и выражений», приводится строка из басни «Совет Мышей»: «Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем духа русского народа».

Ко времени вступления в литературу В.Г. Белинского стало очевидно, что Крылов воплощает в себе дух русского народа. Широким потоком хлынули крыловские строки из его басен в статьи Белинского, печатавшиеся в «Отечественных Записках», «Современнике» и других журналах, которые читала вся Россия. С этих пор крыловские словеса и поговорки окончательно вошли в русскую речь.

Самой любимой крыловской строкой было у Белинского выражение: «А Ларчик просто открывался». Оно встречается в рецензии на «Очерки русской литературы» (1840) Н. Полевого, в статье о «Повестях» (1840) В.Ф. Одоевского, в «Обзоре русской литературы в 1841 году». В статье «Сочинения князя В.Ф. Одоевского» о его «Русских ночах» Белинский снова обращается в этой поговорке: «Великое дело видит Фауст в том, что наша поэзия началась сатирою – судом народа над самим собою. А Ларчик просто открывался! Так как наша поэзия была заимствование, нововведение, то наши поэты и пустились подражать, кто кому задумал, то какой-нибудь Сумароков был и трагик, и комик, и лирик, и баснописец, писал и оды на иллюминации, и сатиры на подъячих».

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник!

Так писал Белинский в статье «Менцель, как критик Гёте (1840)». Конечно, Белинский не был первый, кто обратил внимание на эту строку. Еще в 1825 г. в «Московском Телеграфе» (№ 16, с. 17 прилож.) Н. Полевой в полемике приводит контаминированную строку «Беда, коль пироги начнет печи сапожник».

Снова вернулся Белинский к тому же двустушию в статье о «Тарантасе» В.А. Соллогуба (1845): «Из страха или из корысти русский человек возьмется за все, вопреки мудрому правилу:

Беда, коль сапоги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник».

Одна из самых знаменитых строк Крылова:

Ай Моська! – знать, сильна,
Коль лает на Слона!

Использована Белинским в рецензии на десятый том «Современника».

В «Ответе Москвитянину» (1847) Белинский использует два крыловских образа:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

И тут же из «Квартета»:

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова!

В 1860-е годы восприятие крыловских басен заметно меняется. Д.И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы» (1864) представил целое социологическое исследование на основе крылатых строк из трех басен Крылова («Пустынный и Медведь», «Музыканты», «Вельможи»): «В истории есть очень много услужливых медведей, которые очень усердно били мух на лбу спящего чело-

вечества увесистыми булыжниками; однако смешон и жалок был бы тот историк, который стал бы благодарить этих добросовестных медведей за чистоту их намерений. Встречаясь с примером медвежьей нравственности, историк должен только заметить, что лоб человечества оказался раскроенным; и должен описать, глубока ли была рана и скоро ли зажила, и как подействовало это убиение мухи на весь организм пациента, и как обрисовались вследствие этого дальнейшие отношения между пустынноиком и медведем. Ну, а что такое медведь? Медведь ничего; он свое дело сделал. Хватил камнем по лбу – и успокоился. С него взятки гладки. Ругать его не следует – во-первых, потому что это ни к чему не ведет; а во-вторых, не за что: потому – глуп. Ну, а хвалить его за непорочность сердца и подавно не резон; во-первых – не стоит благодарности: ведь лоб-то все-таки разбит; а во-вторых – опять-таки он глуп, так на какого же черта годится его непорочность сердца? Так как я случайно попал на басню Крылова, то мимоходом любопытно будет заметить, как простой здравый смысл сходится иногда в своих суждениях с теми выводами, которые дают основательное научное исследование и широкое философское мышление. Три басни Крылова, о медведе, о музыкантах, которые “немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут”, и о судьбе, который попадает в рай за глупость, – три эти басни, говорю я, написаны на ту мысль, что сила ума важнее, чем безукоризненная нравственность... Пусть они (критики) держатся за дедушку Крылова, пусть проводят в своих исследованиях о нравственных достоинствах человека простую мысль, выраженную такими незатейливыми словами: “Услужливый дурак опаснее врага”».

Иногда Писарев лишь намекает на крылатые строки басен, предоставляя читателю возможность самому вспомнить крыловскую образность. В статье «Реалисты» (1864, гл. 2), обращаясь к басням «Лягушка и Вол» и «Муха и Дорожные», он пишет в связи с образами Базарова и Рахметова: «Мы – люди обыкновенные, и если бы мы захотели выбросить из нашей жизни отдых и чисто личное наслаждение, то мы сделали бы себя мучениками и, кроме того, повредили бы даже общему делу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соответствует размерам наших сил; поэтому нам не следует надуваться, потому что до вола мы все-таки не дорастем, а если

лопнем, то вместо экономии окажется чистый убыток. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имеет права посылать вас на работу; общее дело человечества подвигается вперед не барщинною работою, и сгонять на этот труд ленивых или утомленных людей – значит изображать суетливую муху, помогавшую лошадям вытаскивать в гору тяжелый рыдван».

Тот же крыловский образ возникает в статье Писарева «Прогулка по садам российской словесности» (1865): «Хорошо это было, что неглупые молодые люди, способные сделаться хорошими хозяевами, честными конторщиками, смышленными машинистами, изображали своими особами лягушку, желающую раздуться до размеров вола?» В этой же статье Писарев применяет к своим литературным противникам крыловские строки: «Как ни садитесь, а все в музыканты не годитесь».

Почти все русские поэты и романисты привлекали строки из басен – Некрасов, Достоевский, Чехова и десятки других. То же продолжалось в советские времена. В агитпропе В. Маяковского пригодилась басня «Стрекоза и Муравей». В 1920 г. (№ 109) «Окна РОСТА» выставили на всеобщее обозрение стихи:

Если ты все лето пела,
так зимою попляши!
Надо
летом делать дело,
чтоб зимой сидеть в тиши.
Чтоб в тепле зимою быть,
Надо
Летом лес рубить!

Время отражается в баснях Крылова. Басни отразили время.